

УДК 930.9

Е.Ю. Лицарева

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ВАЛЮТНОГО СОЮЗА В СВЯЗИ С ВОСТОЧНЫМ НАПРАВЛЕНИЕМ ПРОЦЕССА РАСШИРЕНИЯ ЕС

В первое десятилетие XXI в. Экономический и валютный союз, созданный западноевропейскими странами, стал центром возросшего притяжения для остальных регионов Европы и, прежде всего, для стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). На современном этапе существование и дальнейшее развитие Экономического и валютного союза во многом зависят, с одной стороны, от перспектив экономического развития стран зоны евро и разрешения проблем, обострившихся в странах ЕС в условиях кризиса 2008 г., а с другой – от того, как решаются проблемы государств Центральной и Восточной Европы, вступивших в ЕС и присоединившихся к еврозоне, в том числе и преодоление экономического отставания от государств Западной Европы.

Ключевые слова: Экономический и валютный союз, Центральная и Восточная Европа

Восточноевропейское расширение стало для Евросоюза крупномасштабным процессом. В ЕС планировали вступать десять стран ЦВЕ и два государства Средиземноморья. В ноябре 2002 г. Брюссельский саммит Евросоюза подтвердил перспективу вступления в ЕС с 1 мая 2004 г. Польши, Чехии, Венгрии, Словакии, Литвы, Латвии, Эстонии, Словении, Кипра и Мальты. Также была назначена дата вступления в ЕС Болгарии и Румынии – 2007 г. До этого ЕС вел переговоры об интеграции с одним, двумя, в крайнем случае – с тремя кандидатами одновременно и, если ранее процессы расширения и углубления чередовались, то теперь они должны были происходить параллельно. Расширение ЕС в восточном направлении нередко называют «двойным расширением» [1. С. 49–50]. В связи с этим одновременное углубление и расширение ЕС представлялось возможным только в условиях «Европы разных скоростей». На этот раз решение о приеме новых членов было чисто политическим, но политическое решение о расширении ЕС на Восток опиралось на уже существующие экономические связи со странами ЦВЕ, а основы для экономической и политической интеграции стран Центральной и Восточной Европы с Европейским Союзом создавались постепенно. 10 государств ЦВЕ в течение 1990-х гг. подписали Европейские соглашения с Евросоюзом. Главной целью этого процесса должно было стать полное членство в ЕС государств Центральной и Восточной Европы. При этом предполагалось сократить торговые барьеры, добиться сотрудничества в экономической, финансовой, технической и культурной сферах, а также достичь политического диалога. С целью укрепления внутрирегиональных торговых связей, подорванных из-за роспуска Совета Экономической Взаимопомощи, по прось-

бе ЕС в 1993 г. было подписано Центральноевропейское соглашение о свободной торговле (СЕФТА), к которому присоединились Чехия, Венгрия, Польша и Словакия. Позже к СЕФТА присоединились Словения (1996 г.) и Румыния (1997 г.). Так как все страны-члены СЕФТА подали заявку на вступление в ЕС, СЕФТА выполняло функцию некоего «зала ожидания» [2]. Кроме того, ЕС заключил с Эстонией, Латвией, Литвой и Словенией соглашения о свободной торговле. Действие соглашений о свободной торговле прекращалось при вступлении в силу Европейских соглашений. В январе 1998 г. ЕС отменил все количественные ограничения на товары текстильной промышленности, ввозимые из стран ЦВЕ, предварительно сняв в 1997 г. импортные пошлины. К январю 2000 г. экспорт практически всех промышленных товаров из стран Евросоюза в государства ЦВЕ осуществлялся по беспошлинной схеме, несмотря на то, что страны Центральной и Восточной Европы снижали свои торговые барьеры медленнее, чем ЕС. Польше по определенным товарам автомобильной промышленности разрешалось снижать тарифы в течение более длительного времени и постепенно, а Венгрии – в отношении продукции сталелитейной промышленности. Что касалось импортных пошлин, то в Европейские соглашения были включены особые положения, касающиеся «чувствительных» отраслей производства. Вплоть до января 2000 г. страны ЦВЕ постепенно снижали импортные пошлины на текстильные изделия из государств ЕС. Особое внимание в Соглашениях уделялось продукции сельского хозяйства и рыболовства, где предусматривалась постепенная либерализация взаимной торговли. К январю 2002 г. предполагалось отменить все тарифы и количественные ограниче-

ния. Правда, в начале 2000 г. возник конфликт между ЕС и Польшей по поводу сельскохозяйственной сферы. Это свидетельствовало о том, что полная интеграция стран ЦВЕ в ЕС потребует определенного временного периода. Польша, например, считала необходимым, чтобы в течение нескольких лет после вступления в ЕС местные производители могли продавать внутри страны мясные и молочные продукты, не отвечающие высоким гигиеническим стандартам ЕС. В ходе переговоров возникли разногласия относительно доступа стран ЦВЕ к прямым перечислениям в рамках единой аграрной политики и структурным фондам, а также длительности переходного периода относительно свободного передвижения людей. В докладах Европейской комиссии, посвященных подготовке стран ЦВЕ к вступлению в Евросоюз, отмечалось, что только Венгрия и Чехия продвинулись вперед в принятии рамочных установок ЕС, касающихся технических стандартов и сертификации. Настораживало и то, что в странах ЦВЕ медленно внедрялись экологические и социальные стандарты. В целом, от государств Центральной и Восточной Европы ожидалось более значительные усилия в осуществлении реформ, поскольку их национальные хозяйства, как оказалось, не соответствовали принятым экономическим критериям функциональной рыночной экономики и были не способны взаимодействовать с рыночными силами внутри ЕС. Основным сферам реформ, обязательным для перехода к рыночной экономике, соответствовали требования, предъявляемые странам ЦВЕ для вступления в ЕС, принятые на заседании Европейского совета в Копенгагене в 1993 г. [3].

Странам-кандидатам приходилось тщательно изучать действующий комплекс норм, учитывая, какие из этих норм подлежат немедленному применению, а какие будут отодвинуты до достижения полного членства в ЕС. При этом некоторые нормы вообще требовали введения переходного периода уже после вступления в Евросоюз, о чем также должна была быть достигнута соответствующая договоренность. Научный сотрудник Института мирового хозяйства в г. Киле Даниэль Пьяццолю считал, что применение на практике большой по объему и сложной нормативной базы создавало значительные адаптационные трудности для стран-кандидатов. Он подчеркивал, что макроэкономическая стабилизация, реальная адаптация на микроэкономическом уровне и создание институциональных рамок, обеспечивающих децентрализацию экономических решений, как правило, становятся основными сферами реформи-

вания при переходе от централизованной плановой экономики (что наблюдалось в государствах ЦВЕ) к рыночному хозяйству. При этом макроэкономическая стабилизация предполагала преодоление ценовой нестабильности, а также нестабильности обменного курса и государственного бюджета. Следовало также гарантировать независимость центрального банка для осуществления макроэкономической стабилизации. Чтобы создать жизнеспособные рынки, необходимо было проводить реформы на уровне микроэкономики «через преобразование государственных конгломератов в самостоятельные юридические единицы (коммерциализация), приватизацию этих компаний, либерализацию цен и открытие экономики для международной торговли» [2]. При этом как вся переходная экономика, так и некоторые национальные компании испытывали трансформационный шок. На саммите в Копенгагене в декабре 2002 г. было принято решение, обеспечивающее относительно безболезненную адаптацию новых членов, не подрывая европейские финансы и экономику. Но чрезмерной финансовой поддержки со стороны ЕС реформации стран Центральной и Восточной Европы не ожидалось. По своему геостратегическому значению расширение Европейского Союза в восточном направлении сравнивают с созданием самого ЕС. При этом политическое решение о приеме новых членов доминировало над экономическим впервые в истории ЕС [4]. Расширяясь в восточном направлении, Экономический и валютный союз заметно наращивал свой ресурсный потенциал: на 34% увеличивалась территория, на 29% – население [5]. При том, что Экономический и валютный союз в результате расширения Европейского союза и еврозоны, укрепляя стабильность и предсказуемость на восточной границе, превращался в один из крупнейших в мире рынков, проблемы присоединения новых членов накладывали на страны ЕС дополнительные обязательства по созданию более эффективной системы функционирования. В ходе расширения ЕС после 2004 и 2007 гг. перед экономической и финансовой политикой западноевропейских стран возникали новые задачи, и это касалось, прежде всего, общего бюджета ЕС. Европейская комиссия, в соответствии со стратегией финансирования новых государств-членов ЕС и организации адресной помощи в рамках программы «сближения», вынуждена была регулярно пересматривать данную программу, учитывая особенности новых стран-членов ЕС и их возможности присоединения к еврозоне. В целом, данная программа была направлена на обеспечение присое-

динения новых 10 членов союза к еврозоне в период с 2007 по 2010 г. Вследствие того, что ожидаемый ежегодный экономический рост в странах ЕС-15 на период с 2007 по 2010 г. составлял примерно 2,5%, а в новых странах-членах – 4%, это создавало к концу рассматриваемого периода дополнительно лишь половину средств, вторую половину необходимо было получить за счет сокращения получателей в ЕС-15 [5]. Приходилось считаться и с тем фактом, что финансовые ресурсы ЕС были весьма ограниченными. В 2003 г. для новых членов ЕС при совокупном бюджете Евросоюза в 100 млрд евро (1/8 часть бюджета Германии) намечалось выделить в течение трех лет 41 млрд евро. С учетом суммарного членского взноса центральноевропейских государств в 15 млрд евро, затратная статья ЕС сокращалась до 25 млрд евро. По сравнению с Германией, израсходовавшей в 90-е гг. на воссоединение с восточными землями 600 млрд евро, объемы финансирования расширения ЕС на Восток были неэквивалентны политическим обещаниям и заверениям. Германия обеспечивала 28% бюджета ЕС, получая из его доходной части лишь 13% [4]. Постепенно становилось все более очевидным, что еще до начала расширения на восток ЕС необходимо было провести радикальную реформу бюджетной, региональной и аграрной политики. Не изменив действующие процедуры управления до предстоящего нового расширения, Европейский Союз «загнал себя в институциональную ловушку, когда экономический потенциал стран, а, следовательно, и их роль в формировании бюджета становятся совершенно не увязанными с их возможностями влиять на принимаемые в организации решения» [5]. Германия, Нидерланды, Швеция и Австрия – основные плательщики, вносили в бюджет свыше 0,3% ЕС. Дания, Франция, Италия, Финляндия и Великобритания, страны среднего уровня взносов в бюджет ЕС, вносили до 0,3% бюджета. Бельгия, Испания, Ирландия и Португалия, страны-члены ЕС-15 со средним уровнем поддержки из фондов ЕС, получали от Европейского Союза помощь в размере до 3% их валового национального продукта. Помощь в отношении стран-членов с высоким уровнем поддержки из фондов ЕС (в эту группу входили очень разные по экономическому потенциалу страны – Греция и Люксембург) превышала 3% их ВВП. Новые члены со средним уровнем поддержки из фондов ЕС (по имеющимся оценкам, к их числу относят Кипр, Чехию, Латвию, Мальту, Словению и Словакию) также должны были получать до 3% национального валового продукта. Новыми членами с высоким уровнем

поддержки считались Польша, Эстония, Венгрия, Болгария, Литва и Румынии, чей ВВП более чем на 3% формировался за счет помощи из фондов Европейского Союза [5]. Ситуация осложнялась и тем, что при расширении Европейского Союза в условиях глобализации, западноевропейские страны должны были не только обеспечивать рост общей конкурентоспособности, но и продолжать поддерживать высокий уровень социального благосостояния и социальной защиты [6].

Присоединение к ЕС новых членов из Центральной и Восточной Европы ставило под сомнение возможность его эффективного социально-экономического сплочения и проведение политики солидарности в том объеме и тех формах, в которых она проводилась в ЕС в 1990-е гг., так как недавно присоединившиеся к ЕС государства ни в структуре хозяйства, ни в развитии, ни в зрелости рынков были не способны самостоятельно преодолеть свое отставание от стран Западной Европы и претендовали на регулярное перераспределение в их пользу ресурсов ЕС. Таким образом, осуществление полноценного приема новых членов ущемляло интересы как главных плательщиков в общий бюджет ЕС, так и основных стран-получателей структурных фондов. Все вступающие автоматически пополняли число стран-получателей ввиду своей отсталости. После расширения число лиц, которые могли претендовать на помощь из бюджета ЕС, возросло со 185 млн до 291 млн человек. Вследствие этого вступление в Европейский союз стран Центральной и Восточной Европы понижало показатель совокупного ВВП на душу населения, и ряд районов – нынешних получателей помощи – потеряли статус наиболее бедных, так как их показатель превысил 75% от среднего по ЕС уровня. При этом речь шла о принципиально новом варианте присоединения стран к Экономическому и валютному союзу по сравнению со всеми уже имеющимися вариантами расширения. Страны Центральной и Восточной Европы обладали специфическими чертами, которые оказывали воздействие на характер и последствия расширения ЕС. Расширение ЭВС происходило за счет стран, которые не имели в своей основе западноевропейской социально-экономической модели и не принадлежали к западноевропейской системе безопасности (за исключением Кипра и Мальты). В состав Союза вступали государства, находящиеся в состоянии трансформации от авторитаризма к парламентской демократии и правовому государству, от государственной командно-административной экономики к рыночной [5].

Страны-кандидаты в преддверии расширения 2004 и 2007 гг. демонстрировали высокий уровень инфляции, безработицы и бюджетного дефицита (в 2001 г. – около 5% ВВП). В этих государствах перед вступлением показатель ВВП на душу населения составлял от 20 до 60% средневропейского уровня. В наиболее благополучной по макроэкономическим показателям постсоветской республике – Эстонии, ВВП на душу населения равнялся 23 % от среднего по ЕС. Доход ВВП на человека, составляющий немногим более 50% от средневропейского, устойчивые темпы роста, низкую безработицу демонстрировали Словения и Чехия [4]. В целом, страны-кандидаты выполняли требование по государственному долгу, который не должен был превышать 60% ВВП (за исключением Венгрии и Болгарии). Сложнее было с 3% дефицитом госбюджета. Только половине стран-кандидатов (в том числе страны Балтии, Словения и Болгария) удавалось в указанных пределах удерживать свой бюджетный дефицит. Инфляционный критерий выполняла только Литва. Правда, в них отмечались и более высокие темпы экономического роста, что делало вполне реальной саму постановку вопроса о возможности соответствия критериям конвергенции ЕС, считали специалисты Центра по изучению европейской политики (CEPS) [7. Р. 64]. Все это следовало учитывать, так как постепенное введение евро в новых государствах становилось необходимым, прежде всего, потому, что единый внутренний рынок, функционирующий в ЕС с 1993 г., членами которого они автоматически становились, не мог успешно работать при наличии национальных денежных систем, сохраняющихся в ЕС колебаниях курсов валют и различий в ценах и налогах. С другой стороны, некоторые европейские эксперты в области финансов (особенно представители ЕЦБ и Еврокомиссии) опасались стремлений стран-кандидатов в короткие сроки добиться выполнения критериев конвергенции, так как это могло привести к дестабилизации экономик стран Центральной и Восточной Европы и в перспективе вместо реальной конвергенции к серьезным противоречиям и проблемам. Учитывая обязательное условие (два года участвовать в механизме обменных курсов), почти все государства-кандидаты выражали желание, насколько это возможно, войти в еврозону как можно быстрее [8. С. 422–423]. Новые государства-члены, вступившие в ЕС в результате расширений в мае 2004 г. и январе 2007 г., должны были участвовать в Экономическом и валютном союзе с изъятием. То

есть эти государства переходили к единой валюте без фиксированной даты вступления в еврозону при условии выполнения определенных требований. Из 12 стран, присоединившихся к ЕС в 2004 и 2007 гг., первоначально вступили в зону евро Словения, Кипр, Мальта и Словакия. В ближайшее время в еврозону собираются вступить Литва и Латвия, что уже сделала Эстония с 1 января 2011 г. Остальные государства планируют присоединиться к «евроленду» после 2014 г. по причине несоответствия критериям конвергенции. При этом национальные хозяйства этих стран должны были функционировать в одном ритме с экономиками западных стран и иметь однородную структуру, стремясь добиться реальной конвергенции [9]. Оценивали степень соответствия новых стран-членов критериям конвергенции Европейский Центральный Банк и Комиссия. Комиссия готовила отчеты о практической подготовке стран-членов к вступлению в зону евро, оценивая мероприятия, реализованные на национальном уровне. Решение относительно того, выполняет ли государство необходимые условия, принимал Совет по предложению Комиссии. Совет также определял дату вступления государства в зону евро, фиксируя обменные курсы между евро и национальными валютами. Совет ЕС принимал решение отдельно по каждой стране о допуске в валютный союз на основе подготовленных ЕЦБ и Еврокомиссией докладов о конвергенции [10]. По предложению Комиссии для новых государств-участников ЕС были разработаны специальные сценарии ввода наличного евро, после присоединения к еврозоне. Первый сценарий предполагал, определяемый на национальном уровне переходный период («Мадридский стиль»). Второй – введение наличного и безналичного евро одновременно (сценарий «Большого взрыва», который выбрало большинство государств). Данный вариант сокращал адаптационный период. При этом учитывалось, что банкноты евро и монеты в большинстве стран-членов ЕС уже находились в пользовании. Третий сценарий включал период двойного обращения перед введением наличного евро. В течение этого периода, не превышающего двух месяцев, банкноты и монеты евро и национальных валют имеют одинаково законный статус (сценарий «Большого взрыва» с введением периода постепенной отмены) [11].

По мнению Ж.-К. Трише, предстоящее расширение зоны евро требовало специального внимания, поскольку речь шла о структурных макроэкономических различиях и большом разбросе бюджетных показателей. К 2004 г. восемь стран ЕС имели отрицательное сальдо госбюджета

свыше 3% ВВП, тогда как в пяти странах был зарегистрирован профицит более 1% ВВП [12]. Тем не менее многие экономисты давали оптимистические прогнозы относительно того, что за счет половины государств-членов, вступивших в Европейский союз в 2004 г., состав ЭВС может расширяться уже к 1 января 2006 г. Сторонники этого прогноза полагали, что, во-первых, многие валюты стран Центральной и Восточной Европы уже привязаны к евро, а, во-вторых, единая валюта способствует иностранным инвестициям, необходимым экономикам присоединившихся стран, так как они достаточно малы [13. Р. 3]. Вообще, считалось, что принятие единой валюты для небольших стран является своеобразным средством защиты от нестабильности финансовых рынков из-за большей восприимчивости к внешнему финансовому и экономическому воздействию. Ожидалось, что по сравнению со странами, вошедшими в еврозону при ее создании, в новых государствах ЕС переход к евро будет более успешным в плане адаптации граждан к новым условиям и реакции общественного мнения. Основную проблему должна была составлять, наряду с готовностью соответствовать необходимым макроэкономическим показателям, и техническая обеспеченность. Кроме того, новым членам ЕС следовало не только разработать и принять национальные планы подготовки к вступлению в зону евро, осуществив подготовительные мероприятия в частном и государственном секторе, национальном законодательстве, налоговой, финансовой, бюджетной и административной системах, обязательным был мониторинг общественного мнения.

Вопрос о вступлении новых стран-членов ЕС в ЭВС и переходе на евро должен был решаться не только по мере выполнения ими маастрихтских критериев и прохождения через адаптационную стадию Европейской валютной системы, но и требовал их собственного согласия. Оказалось, что не везде население и бизнес были готовы к этому [14]. Вследствие чего, опираясь на статистические данные Евробарометра, Комиссия предусмотрела в разработанной в 2004 г. Информационной и коммуникационной стратегии по единой валюте евро и ЭВС широкий ряд мероприятий по распространению информации среди населения о евро. При этом подчеркивалось, что именно информационное сотрудничество способствует более четкой координации и взаимному регулированию стратегий Комиссии и государств-членов ЕС [15].

Серьезным препятствием для расширения могла стать, по мнению евроскептиков, политиче-

ская реакция на рост безработицы в тех регионах еврозоны, где наиболее ощутимы были негативные последствия не всегда гибкой денежной политики ЕЦБ и ограничения, налагаемые на национальную политику. В связи с этим политическое давление со стороны регионов с высоким показателем безработицы могло затруднить проведение реформ финансового перераспределения в рамках ЕС. По уровню безработицы можно было говорить о существенных различиях не только между новыми странами ЕС, но и старыми. На Кипре безработица составляла 5,3% населения, в Словении – 6,3%, в Словакии – 16,2%, Польше – 17,7%. Что касается ЕС-15: в Люксембурге, Нидерландах, Ирландии и Дании – 4–5%, Греции, Испании, Франции и Германии – 9–11% [16]. При этом в государствах-новичках была высока доля длительно безработных – 54% от всех безработных, тогда как в среднем по ЕС этот показатель составлял 44,2%. В ЕС-10 наблюдался и высокий уровень безработицы среди молодежи – 30,4%, по ЕС – 16,1% [17. Р. 30–37].

В 2005 г. не меньшие различия как в ЕС-15, так и ЕС-10 наблюдались и по уровням занятости. Так, в государствах-новичках уровни занятости различались от 51,7% в Польше до 68,9% на Кипре. А в ЕС-15 картина была следующая: от 58% в Италии до 76% в Дании. Причем в ЕС-10 занятость особенно низка среди молодежи – 23,9% против 40% в ЕС-15 [18. Р. 45]. При этом необходимо было считаться с наследием централизованной плановой экономики государств ЦВЕ, когда наблюдалось преимущественное развитие тяжелой промышленности без должного внимания к сфере услуг. В связи с этим налицо были явные различия в отраслевой структуре ВВП с ЕС-15. Доля промышленности и строительства в ВВП в большинстве стран с переходной экономикой была более значительна, чем в ЕС-15, где удельный вес промышленности в валовой добавленной стоимости составлял 30,7%. В Венгрии, Литве, Польше, Словакии и Словении данный показатель был выше, чем в ЕС, а в Чехии и Румынии он составлял более 40%. На сельскохозяйственный сектор в ЕС-15 приходилось 2,3% ВВП и 5,2% общего числа занятых, в странах-кандидатах соответственно от 3,9% (в Словении) до 21,1% (в Болгарии) и от 5,5% (в Чехии) до 40% (в Румынии). В ЕС-15 на сферу услуг падало 67% ВВП, в то время как в Румынии – всего 41,7%, а в Чехии – 53,7% [2]. Вообще, адаптация сельского хозяйства стран Центральной и Восточной Европы к европейским стандартам оставалась наиболее трудно решаемой задачей. При этом новые страны-члены в первую очередь рас-

считывали на получение значительных финансовых ресурсов от ЕС. Но даже со стороны старых членов ЕС действующая система поддержки сельского хозяйства считалась малоэффективной (единая сельскохозяйственная политика Европейского Союза поглощала 50% его бюджета), ведущей к значительному перепроизводству в рамках Союза, когда значительная часть продукции могла быть реализована только на внешних рынках по ценам, существенно ниже себестоимости. В связи с этим еще в ЕС-15 неоднократно поднимался вопрос о существенных сокращениях прямых субсидий товаропроизводителям. Однако попытки реформирования единой сельскохозяйственной политики на протяжении длительного периода времени, в том числе и накануне вступления новых членов (например, 2000–2002 гг.), оказывались безуспешными ввиду жесткой позиции ряда стран, прежде всего Франции. В результате возобладало мнение, согласно которому никаких реформ, предшествующих решениям или соглашениям ЕС с ВТО по вопросам регулирования сельского хозяйства, быть не может. Таким образом, будущая модель поддержки сельского хозяйства в рамках ЕС оставалась, в целом, неопределенной [5].

Необходимо было учитывать и следующее – до расширения на ЕС приходилось почти 70% экспорта и примерно 2/3 импорта государств Центральной и Восточной Европы. Евросоюз являлся важнейшим торговым партнером для стран-кандидатов, на него приходилось от 45% (Болгария) до 69,4% (Словения) импорта этих стран и от 38% (Литва) до 72,9% (Венгрия) их экспорта. В наиболее развитых странах с переходной экономикой доля экспорта в ЕС или импорта из Евросоюза составляла около 60% (с небольшими отклонениями в ту или другую сторону) [2]. Доля же стран-кандидатов в общем объеме внешнеторгового оборота ЕС составляла только 4%. Поэтому торговый эффект в рамках увеличивающегося сообщества был асимметричным: для новых членов он был выше. В 2005–2010 гг. такой торговый эффект обеспечил ежегодный прирост ВВП старым членам ЕС в среднем на 0,05% в неизменных ценах. ВВП Австрии при этом увеличился на 0,25%, прирост ВВП Нидерландов, Франции, Ирландии и Италии составил 0,1–0,2%. Но в результате этого проиграли Великобритания и Испания. Почти в 10 раз выше оказалось влияние эффекта от такой торговли на ВВП для стран ЦВЕ. Так, за 2001–2010 гг. ВВП Венгрии в неизменных ценах вырос суммарно на 4,5%. Из-за менее интенсивных торговых связей аналогичный прирост ВВП Польши и Чехии был примерно в 2 раза меньше [19. Р. 6]. Со вступлением в ЕС в государствах Центральной и Восточной Европы наблюдалось снижение тем-

па роста цен из-за сокращения надбавок на издержки производства и увеличение производительности в силу роста масштабов производства. Скачок производительности для новых членов в среднесрочной перспективе суммарно за шесть лет составил 3% [20. Р. 98]. Макроэкономический эффект от действия такого фактора, как подъем производительности в странах ЦВЕ, проявился достаточно заметно в случае с ВВП. В Чехии, Польше и Венгрии ВВП в результате роста производительности за период 2005–2010 гг. вырос в неизменных ценах на 1%. Но это негативно отразилось на рынке труда. Увеличилась безработица в силу снижения спроса на рабочую силу [21. Р. 9]. Инвестиционная привлекательность стран ЦВЕ оказалась не настолько высокой, как это мыслилось первоначально в силу недостаточной емкости рынка, отсталой инфраструктуры и низкой по сравнению с Западной Европой покупательной способности населения. Несмотря на увеличение доли прямых инвестиций из ЕС-15 в ЕС-10, это направление не стало приоритетным для инвесторов из Западной Европы. В 2004 г. из ЕС-15 на Центральную и Восточную Европу приходилось 4% инвестиций, доля потока в другие страны ЕС-15 составила 53%, а на США – 12% [16]. Страны ЦВЕ стали чистыми получателями средств из бюджета ЕС. Так, в 2004 г., в среднем, чистые трансферы из ЕС равнялись 0,6% ВВП государств ЦВЕ – от 0,25% ВВП Венгрии до 2,1% ВВП Литвы. По новому финансовому плану на 2007–2013 гг. планировалось увеличить эти трансферы в 3 раза. На первом месте среди инвесторов оставалась Германия. Она вкладывала инвестиции в Польшу, Венгрию и Словакию. В Балканские государства инвестировали страны Северной Европы [22]. При этом, например, приток капитала стал толчком к росту ВВП: в Венгрии – до 1%, Польше – 0,75% и Чехии – 0,5% [18. Р. 15]. Присоединение Польши к ЕС в наибольшей степени приветствовалось предпринимателями Германии, хотя по макроэкономическим показателям Польша была ближе к Болгарии и Румынии (вступивших в ЕС позже – в 2007 г.) и занимала последнее место из принимаемых в Евросоюз стран ЦВЕ по этим показателям. Эстония представляла особый интерес для Финляндии и других стран Северной Европы, входящих в Евросоюз, что способствовало ее вхождению в ЕС в первом эшелоне [23. С. 92].

В Западной Европе изначально неоднозначно оценивался процесс продвижения ЕС в восточном направлении. Традиционно, Франция, Испания, Португалия, Ирландия и Греция были сторонниками приоритета углубления европейской интеграции, а не расширения. Во многом такая позиция вышеназванных стран объяснялась нежеланием потерять финансовую поддержку со стороны

ЕС в пользу государств ЦВЕ. Во Франции шли острые дебаты в отношении будущего устройства Европы и особенно сохранения суверенитета и национальной идентичности, так как углубление интеграции в рамках ЕС должно было расширить наднациональный уровень. Франция не была сторонницей интенсификации процессов углубления в ЕС, но углубление интеграции способствовало бы политике сдерживания и контроля Германии [24]. В то же время для Франции расширение на восток не являлось первостепенной проблемой, и в этом вопросе она придерживалась сдержанной позиции. Традиционными партнерами для Франции всегда были страны Средиземноморья. Франция считала, что, прежде всего, Европейский союз должен создать сильную экономическую и политическую структуру. Вступление же в ЕС государств с более низким уровнем развития, и в политическом, и в экономическом плане, ослабит позиции ЕС на международных рынках, и Евросоюзу будет трудно конкурировать с теми же США или Японией. Поэтому в свое время (в 1989 г.) президент Франции Ф. Миттеран предложил план «Европейской конфедерации». По этому плану параллельно с Европейским сообществом предполагалось создать конфедерацию с участием государств ЦВЕ. Чтобы экономики стран ЦВЕ хорошо подготовились к конкуренции на едином рынке, только через десять лет, как минимум, можно было объединить эти два образования. В целом, Франция считала, что в ЕС могут быть приняты только те страны ЦВЕ, которые урегулировали свои политические, территориальные, пограничные и другие проблемы с соседними государствами [25]. Этот план не был поддержан не только странами ЦВЕ, но и объединенной Германией. Франция также боялась, что от расширения Германия извлечет большую пользу, что укрепит ее положение в ЕС, так как в связи с восточным направлением процесса расширения экономический и политический центр ЕС явно смещался на северо-восток. В связи с этим Франция стала уделять большое внимание стабильности в странах Средиземноморья, а также расширению и интенсификации средиземноморской политики ЕС, создавая тем самым юго-восточный противовес смещающемуся на северо-восток центру Европейского союза [24]. Германия, наряду с Италией, Финляндией, странами Бенилюкса и Швецией, считала, что углубление интеграции в рамках Европейского союза должно стать средством расширения ЕС. При этом сам процесс расширения, как считала Германия, нельзя отделять от реформирования институциональной структуры Европейского сою-

за, в противном случае ЕС не сможет справиться с приемом новых членов, а функциональная способность Евросоюза будет снижена. В отношении восточного направления расширения ЕС большое влияние на позицию ФРГ оказывали, прежде всего, экономические причины, хотя Германия, виновная в развязывании двух мировых войн, по-прежнему испытывала определенное чувство ответственности за включение стран ЦВЕ в европейские процессы. Германия всегда сохраняла тесные связи со своими восточными соседями, и ФРГ эти страны интересовали в качестве крупного рынка сбыта. В 1990-е гг. Германия, проявляя повышенный интерес к рынкам восточных соседей, стремилась восстановить свои торговые и инвестиционные позиции, утраченные в период построения социализма в этих странах и эпохи «холодной войны» [23. С. 91]. Внешняя торговля ФРГ и восточноевропейских стран-кандидатов с начала 1990-х гг. росла быстрее, чем с другими регионами. В период с 1993 по 2002 г. внешнеторговый оборот Германии со странами ЦВЕ вырос в три раза. С остальными регионами мира рост составлял 60%. С 1993 по 2005 г. экспорт Германии в государства ЦВЕ возрос с 20 млрд евро до 68 млрд евро и составил 8,6% объема германского экспорта. Импорт в Германию из восточноевропейских стран за этот период увеличился с 17 млрд евро до 64 млрд евро и составил 7,6% германского импорта. По инвестированию в регион Германия также занимала лидирующие позиции. В середине 90-х гг. удельный вес Германии в общем объеме прямых инвестиций ЕС в страны ЦВЕ колебался от 35 до 48%. Немецкие предприниматели размещали в восточноевропейских государствах свои производственные мощности в связи с низкими издержками по заработной плате по сравнению с самой Германией. Немецкие банки и страховые компании также были широко представлены в восточноевропейском регионе [26. С. 38, 40–41]. До формального расширения на Германию и Австрию приходилось до 40–50% общей внешней торговли Европейского союза со странами ЦВЕ. На долю непосредственных государств-соседей Германии приходилось 38% ее внешнеторгового оборота, при этом определенное влияние на внешнеторговую связь ФРГ и немецких компаний оказывал «эффект соседства» [23. С. 28, 30, 94, 95]. Кроме того, правительство Германии видело в восточном направлении процесса расширения ЕС обеспечение определенных гарантий большей стабильности на восточной границе страны, так как немецкие политики считали, что для достижения стабильности в Восточной Европе необходимо ин-

тегрировать восточноевропейские страны в ЕС. «Границу бедности» в Европе предполагалось сдвинуть на Восток и, самое главное, при этом отгородить Германию от очагов нестабильности поясом внешних государств ЕС, что привело бы к снижению числа беженцев, которых приходилось принимать Германии. Кроме того, традиционно возлагая на себя главную ответственность за будущее единой Европы, в случае восточного направления процесса расширения ЕС Германия надеялась сместиться в центр континента и получить возможность взять на себя связующую функцию между Востоком и Западом [27. С. 92].

Великобритания, а также Дания поддерживали расширение ЕС. При этом Великобритания выступала против углубления европейской интеграции до расширения Европейского союза, так как считала, что дальнейшее углубление в силу возрастания объема общесоюзного законодательства увеличит объем требований для стран-кандидатов при вступлении в Европейский союз и усилит «непрозрачность» процедур ЕС. Таким образом, с начала 90-х гг. эта страна высказывалась за постепенное расширение ЕС в восточном направлении, используя это расширение для реализации своих интересов – расширение вместо углубления. С помощью такой политической линии Великобритания надеялась играть более активную роль в ЕС. Великобритания прекрасно понимала, что расширение Европейского союза сделало бы невозможным развитие ЕС до стадии федерации, а Великобритания всегда была противницей федералистской концепции интеграции. Тем более, что потеря власти национальным парламентом, главным символом британской национальной идентичности, всегда была для Великобритании неприемлема. Кроме этого, Великобритания опасалась, что в «централизованном» Европейском Союзе будет доминировать Германия [24]. Еще одним важным аргументом в пользу расширения ЕС на Восток для Великобритании было то, что это принесет экономические выгоды, хотя Великобритания, балансируя между «европеизмом» и «атлантизмом», традиционно выступала за более тесное экономическое сотрудничество с США и НАФТА. Тем не менее государства ЦВЕ рассматривались этой страной в качестве наиболее динамичных мировых рынков. В 1996 г. британский экспорт в страны ЦВЕ увеличился на треть, хотя, в целом, он составил всего 2% английского экспорта при импорте в 1,5%. Кроме того, активизация внешнеэкономической политики в восточном направлении имела значение и в качестве частичного сбалансирования роли Германии [28].

Таким образом, в связи с процессом расширения в восточном направлении неотъемлемой частью экономики ЕС стала переходная экономика вновь вступивших стран. С этим особенно приходилось считаться в условиях кризиса 2008 г., который еще больше увеличил разрыв в уровнях экономического развития между странами-членами ЕС и новыми государствами. В странах ЦВЕ кризис проходил иначе, чем в развитой экономике государств Западной Европы, приводя к очередному асимметричному шоку [29]. Как показала практика, любая переходная экономика на внешнее воздействие, особенно негативное, реагирует более болезненно, чем зрелая. Поэтому правительства и финансовые институты государств ЦВЕ вынуждены были бороться с кризисом в более сложных условиях, чем западные страны. Как со стороны ЕС, так и со стороны международных финансовых организаций, в которых ЕС играл существенную роль, странам ЦВЕ была оказана поддержка. В феврале 2009 г. представителями Европейского Инвестиционного банка, ЕБРР и Всемирного банка было принято решение выделить этому региону 24,5 млрд евро на поддержание банковской сферы. В силу того, что в конце 2008 г. наиболее сложная экономическая ситуация наблюдалась в Латвии и Венгрии, этим странам была оказана помощь. Венгрии были выданы кредиты ЕС (6,5 млрд евро), МВФ (12,5 млрд евро) и Всемирного банка (1 млрд евро). Евросоюз оказал помощь Латвии на сумму в 3,1 млрд евро. Кроме того, на инвестиции в социальную сферу и улучшение экономической инфраструктуры Латвия получила кредит ЕС в 500 млн евро. Наряду с этими странами ЕС заявил о поддержке через Министерство финансов Литвы банковской и инвестиционной деятельности этой страны и оказал помощь литовской экономике в виде кредита в размере 147 млн евро для инвестиций в ключевые отрасли [30. С. 12–13]. Также ЕС были поддержаны экономики Словении, Болгарии и Румынии.

На неформальном саммите ЕС в Брюсселе 1 марта 2009 г. венгерский премьер-министр Ф. Дюрчань предложил досрочно принять восточноевропейские государства в зону евро. Он заявил, что таким образом можно было бы избежать стремительного обесценивания национальных платежных средств этих стран. Еврокомиссия отклонила это предложение и в очередной раз заявила о неизменности критериев вступления в Экономический и валютный союз, так как эти критерии являются неотъемлемой частью интеграционной политики Евросоюза, и ЕС не может отойти от

установленных критериев приема в еврозону [30. С. 12].

12 мая 2010 г. ЕЦБ и Еврокомиссия рекомендовали принять в еврозону с 1 января 2011 г. Эстонию. Это государство, несмотря на продолжающийся кризис, соответствовало критериям конвергенции, длительное время выполняя условия Пакта стабильности и роста, а эстонская крона была тесно привязана к немецкой марке, то есть в обороте фактически были эквиваленты немецкой марки, которые автоматически стали затем эквивалентом евро, что обеспечивало стабильность курса эстонских крон [31. Р. 67]. Принятие Эстонии в зону евро должно было сыграть ключевую роль для обеспечения стабильности в Балтийском регионе. Для Литвы и Латвии дата вступления в еврозону устанавливалась на 2014 г.

После вступления еврозоны в фазу серьезного кризиса весной 2010 г. становилось ясным, что без существенных изменений самой структуры управления ЭВС невозможно как эффективное управление еврозоной, так и всеми европейскими финансами. Присоединение новых членов существенно усложняло функционирование союза. В связи с расширением зоны евро и дифференциацией участвующих стран управление Экономическим и валютным союзом должно быть изменено в соответствии с новыми реалиями. Тем более, что и институциональная основа ЕС была создана более 50 лет назад шестью государствами. Как показала практика, она не была совершенна и в системе ЕС-12, и в системе ЕС-15. Поэтому принятие новых членов без должного реформирования организации в целом могло привести к парализации всей дальнейшей работы [5]. С другой стороны, несмотря на продолжающийся финансовый кризис, присоединение к еврозоне Эстонии 1 января 2011 г. доказывало необходимость рассматривать строгое соответствие критериям конвергенции каждого кандидата в еврозону, не сравнивая его с другими членами или кандидатами. Кризисные же явления, как это произошло в Греции, больше заставили от внутренних проблем стран, а не от состояния европейских финансов в целом. Для того чтобы положить конец прогнозам относительно дальнейшего падения евро и распада еврозоны, а также не допустить той ситуации, которая возникла в Греции, был разработан Европейский стабилизационный механизм [32].

Таким образом, подводя итоги развития ЭВС в условиях расширения Евросоюза на восток, необходимо отметить, что в первом десятилетии XXI в. далеко не все, как в экономической, так и в политической областях, в рамках этого процесса

шло гладко. Приходилось учитывать имеющееся разделение на более развитые и менее развитые государства, а отсюда и не всегда их равные возможности. Необходимо было считаться и с противодействием оппозиционно настроенных по отношению к процессу расширения ЭВС политических кругов в отдельных странах, как «старых», так и новых членов ЕС. При этом становилось все более очевидным, что ЭВС не сможет эффективно функционировать, если не будут проведены реформы европейской финансовой системы и трудовых отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баторшина И.А. Пятая волна расширения Европейского Союза: pro et contra. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/2ba/tztnvat-jejfhukdorc%20qq.%20wv.%20_49-58.pdf, свободный.
2. Пьяцоло Д. Восточная Европа между трансформацией и вступлением в ЕС: анализ реформаторских требований. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vasilieva.narod.ru/ptpu/1_2_02.htm, свободный.
3. Treaty of Accession 2003, article 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/enlargement/archives/enlargement_procces/future_prospects/negotiations/eu10_bulgaria_romania/treaty_2003/zip/the_treaty_of_accession_2003.zip, свободный.
4. Дергачев В.А. Международные экономические отношения: Глава 13. Европейский Союз. Учебник для вузов, М., 2005; Институт геополитики профессора Дергачева. Сетевой проект. Аналитический и образовательный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dergachev.ru/book-10/14.htm> l, свободный; Экономика стран европейского союза. Перспективы экономического развития в странах ЕС. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.ereport.ru, свободный.
5. Экономика стран европейского союза. Перспективы экономического развития в странах ЕС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ereport.ru, свободный.
6. Will the new stability and growth pact succeed? An economic and political perspective. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/economic_papers/2006/economicpapers241_en, свободный.
7. The euro at 25. Special Report of the CEPS Macroeconomic Policy Group.-Brussels, 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://shop.ceps.eu/BookDetail.php?item_id=161, свободный. *Европейская интеграция* / Под ред. О. Буториной. М., 2011.
8. Буторина О. Новички и евро // Европа. Журнал европейского союза . 2004. № 39. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.delrus.ec.europa.eu/em/43/eu39_12.htm, свободный.
9. Договор о Европейском Союзе. Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. Единый Европейский Акт. Договор о Европейском Союзе. М., 1994. Ст. 122(2) Договора о Европейском Союзе.
Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, The European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Central Bank- Fest report on the practical preparations for the future enlargement of the euro area SEC(2004) 1383. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.eurollex.europa.eu/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0671:FIN:EN:HTML>, свободный.

Implementation of the pact and the surrounding debate. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.europa.eu.int/scadplus/leg/en/s01040>, свободный.

Eichengreen B. The Enlargement Challenge: Can Monetary Union be Made to Work in an EU of 25 Members? Working Paper Op-1. University of California. Berkeley. February 2002.

10. *Communication from the Commission to the Council: Establishment of an OECD EDRC examination of EC economic policies alongside the Euro Area Survey* [COM(2005) 150 final – Not published in the Official Journal]. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://europa.eu.int/smartapi/cgi/sga_doc, свободный.

Information and communication strategy of the Commission on the euro and EMU 2004. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://europa.eu/legislation_summaries/economic_and_monetary_affairs/introducing_euro_practical_aspects/125079_en.htm, свободный.

11. *Захарова Н.В.* Расширение Европейского Союза на восток: проблемы и последствия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL:<http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=24027>, свободный.

OECD in figures. 2007. OECD Observer 2007 Suppl.1-Paris: OECD Publications.- 2007.

Enlargement, two years after: an economic evaluation. European Commission. Occasional Papers. 2006. May, № 24. Brussels: European Commission.

12. *Barysch K.* Enlargement two years on: Economic success or political failure?-2006.

13. *EEAG Report.* The 2004 Enlargement: Key Economic Issues.

14. *Турь М.* EU Enlargement. Costs, Benefits and Strategies for Central and Eastern European Countries//Policy Analysis. 2003.

Enlargement, two years after-an economic success. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://europa.eu/legislation_summaries/economic_and_monetary_affairs/enlargement/e50026_en.htm, свободный.

Кузнецов А.В. Мировоззренческие связи германских компаний. М., 2004.

Воротницкая Т. Позиции государств-членов Европейского Союза в отношении расширения ЕС на Восток // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=672&Itemid=55, свободный.

Дударь А. Франция на страже европейской идентичности // Новая политика. 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://www.novopol.ru/print-text706.html>, свободный.

Осадчая Ж. Лобанов К. Эволюция Евросоюза (в спорах рождается истина) // Современная Европа. 2005. №1.

Погорельская С. Некоторые аспекты европейской политики объединенной Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2000. №1.

Взаимодействие международных организаций и Великобритании. Евросоюз. АСЕМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://geo2000.nm.ru/data/euro/uk/9.htm>, свободный.

Шевченко Н. Эффективность антикризисной политики ЕС // Мировое и национальное хозяйство. 2009. №3-4(10-11). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mirec.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=138, свободный.

15. *Зуев В.Н.* Антикризисная политика Евросоюза // Международная экономика. 2009. №10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.panor.ru/upload/iblock/6e0/stat-2009-10.pdf>, свободный.

Ramona T. Enlargement of the Eurozone- Challenges and Perspectives // Publications of the Northern Dimension Research Center. 2008. №7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://steconomice.uoradea.ro/anale/volume/2008/v3-finances-banks-accountancy/103.pdf>, свободный.

ЕС принял решение о создании антикризисного фонда. 10.05.2010 13:13 // Финансы / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurosmi.ru/es_prinyal_reshenie_o_sozdanii_antikrizisnogo_fonda.html, свободный.